

УДК 929+81
ББК 63.211+63.2(2)

Г.И. Демидова

В.Н. ТАТИЩЕВ КАК ЛИНГВИСТ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Рассматривается лингвистическое творчество В.Н. Татищева как одно из направлений российского Просвещения XVIII в. Содержит положение о том, что Татищев – один из зачинателей Ломоносовского периода Просвещения в России.

Ключевые слова:

иностранные языки, лингвистические установки, наука, русский язык, Просвещение

Василия Никитича Татищева (1686–1750) называют «зодчим отечественной науки». Это был человек разностороннего дарования. Он известен как математик, географ, экономист, философ, лексикограф, фольклорист, этнограф, педагог, горный инженер, основатель г. Екатеринбург, астраханский губернатор. Но более всего он известен как «наш первый ученый историк», автор многотомной «Истории Российской»¹. Исследованию его трудов по истории Отечества посвящена большая литература. Гораздо меньше мы знаем о лингвистических изысканиях ученого, а они занимают большое место в его многочисленных работах.

Предметом рассмотрения в настоящей статье являются лингво-просветительские взгляды Татищева, содержащиеся в работе «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах»². Чтобы дать должную оценку ученому-энциклопедисту по теме, надо учитывать, как теперь выражаются, «фоновые» знания эпохи XVIII в., включающие экстралингвистические знания широкого диапазона, в том числе социальные и научные фоновые знания.

Творческая деятельность Татищева пришлась на первую половину XVIII в., первая четверть которого – время петровских реформ, связанное с крупными изменениями в экономической, политической и культурной областях. В эпоху Петра Великого преобразуются культура и просвещение, возникает наука, формируется человек с новым общественным сознанием и запросами. Изменения в обществе Петр осуществлял с опорой на соратников, среди которых был Татищев. Важнейшей государственной задачей петровского времени было распространение просвещения в стране. Грандиозные планы царя требовали прежде всего реальных технических знаний, но не исключались при этом и гуманитарные. Наука XVIII в. по велению Петра во многом была утилитарной, имела практическое направление, потому что развивающейся стране нужны были в первую очередь прикладные знания. Царь требовал от ученых популяризации знаний через учебную, научную, переводную литературу. Верный сподвижник Петра, Татищев не мог остаться в стороне. И хотя ученого невозможно назвать популяризатором науки по глубине и масштабности его исследований, некоторые вопросы в области языка и просвещения были адресованы им и широкому читателю. Однако следует заметить, что язык татищевских сочинений даже для его современников XVIII в. был тяжеловесным или, как тогда говорили, для простого народа «стропотным», т.е. невнятным³.

Идейно-композиционным стержнем работ Татищева были просветительские идеалы. Двигателем истории народов он всегда считал «просвещенный ум», поэтому в центре его внимания стоит необходимость просвещения, образования. В работе «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» – основном мировоззренческом труде Татищева, в котором изложены его философские и общественно-политические взгляды, – он утверждает необходимость образования для человека: «Человеку нужно век жить, век и учиться», «Человек от начала жизни даже до престарения учиться нужду и пользу имеет, и что человеку учение свет, а неучение тьма есть»⁴ (здесь и далее соблюдается орфография В.Н. Татищева. – *Г.Д.*).

Татищевский «Разговор» написан в форме диалога двух собеседников, из которых один сомневается в пользе наук и учении, а другой – за него говорит сам Татищев – горячо защищает необходимость просвещения (всего в произведении 121 вопрос и ответ). Так, автору задается вопрос, зачем нужно учиться, где и чему: ведь научные знания несовершенны, и постичь всего человек все равно не сможет. На это следует ответ: «...Человек от самого рождения даже до престарения помощи и наставления требует и без того никогда пробыть не может... ты каждодневно с людьми обходишься и разговоры имеешь, то мню, что каждый день услышишь, чего не слышал, или слышал, да не в том обстоятельстве и рассуждении, а особливо между людьми учеными; естли же пойдешь к ремесленникам, то всегда у них увидишь новые обстоятельства». И автор заключает, что все это и есть «невидимое учение», которое длится у человека всю жизнь (отв. 34).

Татищев обосновывает значимость науки как для государства, так и для отдельного человека: «Науки государству более полезны, нежели буйство и невежество», «Науки полезны, а незнание или глупость как самому себе, так малому и великому обществу вредительно» (отв. 46).

Всесторонне образованный, Татищев в истории развития и становления просвещения и культуры выделил три эпохи: первым благом, по его мнению, было изобретение письма, букв, создание азбуки, второе место он отвел вере, учению Христа, третье — изобретению книгопечатания⁵. На вопрос о том, какие науки являются самыми нужными и полезными для человека, Татищев отвечал, что таких наук множество, но «между всеми полезными науками письмо есть первое», потому что «письмо — крепчайший памяти хранитель», письмо сохраняет память о нашем прошлом, но оно помогает и жить в настоящем, ведь недаром же существует, по его словам, поговорка: «Грамоте горазд, не умеет ли пропасть». Татищев считал, что «письмо всем людям полезно», но ему «надобно порядочно учиться», изучать грамматику родного языка, чтобы правильно излагать свои мысли (отв. 51).

Видное место в историческом наследии Татищева занимает проблема изучения не только родного, но и иностранных языков. В.Н. Татищев, рано воспринявший самый дух петровских преобразований, был убежденным ревнителем «к пользе российской» и в помыслах и в делах. Он один из первых в домоносовский период прозорливо определил необходимость изучения иностранных языков для укрепления государственности. Говоря об этом, Татищев ссылается на Петра Великого, который ввел в России новый порядок и в правлении, и в армии благодаря «познанию состояния и порядков других государств, для которого так многое число шляхетства (дворян – *Г.Д.*) в разные государства для обучения послано, в России многие школы заведены и знатные иноземцы в службу приняты были» (отв. 68). Это характеризует ученого как человека прагматичного, деловитого, поддерживающего новации Петра в области языка.

На вопрос, какие иностранные языки надо изучать, Татищев, исходя опять-таки из просветительской направленности своей деятельности, указывает, что это зависит от того, чему человек хочет себя посвятить. Людям духовного звания он советует изучать еврейский язык, потому что на нем написан Ветхий Завет, а также греческий, на котором написан Новый Завет и много других важных церковных книг. Необходимо знание латинского языка, т.к. на нем написаны многие книги по риторике, метафизике, теологии, морали и др. Русскому дворянству он рекомендует изучать европейские языки: французский, немецкий, – потому что на этих языках ведется общение с соседними государствами, кроме того, на этих языках имеется большая научная и художественная литература. Дворянству восточных губерний, таких как Казанская, он предлагает изучать сарматские языки (это многочисленные языки народов Сибири). Как пишет А.П. Володин, история вообще, но в особенности сибирская, была страстью ученого. Он глубоко понимал важность изучения живых языков Сибири; впрочем, не только языков, но и обычаев, нравов, истории сибирских племен⁶. Помимо этих языков Татищев называет китайский, монгольский, персидский, турецкий. Знание этих языков необходимо не только для тех, кто окажется в Китае, Монголии и других государствах, но и для познания их истории.

Работая многие годы в Сибири, Екатеринбурге, на Уральских и Казанских горных заводах, в Астраханской губернии и Самаре, Татищев вплотную столкнулся с народами многонационального государства. Он считал крайне важным знание языков народов России (татарского, «сарматского», калмыцкого) т.к. в стране ощущалась острая нужда в грамотных, хорошо подготовленных по этим языкам переводчиков, толмачей (отв. 72). Главным из них он определяет язык «сарматский», так как на нем говорят «финны и карелы, лапландцы и самоеды, вотяки, пермяки, зыряне, вогуличи, остяки, мордва, чуваша, черемиса и другие», т. е. народы Сибири, Крайнего Севера, Камчатки и Поволжья (отв. 71). Будучи блестящим географом и этнографом, Татищев не только обосновал необходимость знания «внутренних» многочисленных языков России, но и указал возможные центры их изучения. Например, татарский язык удобнее, по его словам, изучать в Казани, Тобольске, Астрахани, Оренбурге, «сарматский» – в Тобольске, Архангельске, Казани и Санкт-Петербурге, калмыцкий – в Астрахани (отв. 71). Говоря о необходимости изучения иностранных языков, Татищев вместе с тем призывает не забывать и о своем родном русском языке: «...Чтоб научиться правильно, порядочно и внятно говорить и писать... для того полезно учить и своего языка грамматику» (отв. 51).

Небезынтересна и другая проблема, поднимаемая Татищевым в работе «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ» – его отношение к иностранным словам в современном ему русском языке, их пользе и вреде. Взгляды Татищева по этому вопросу могут быть правильно поняты только в контексте его эпохи, с учетом условий общественно-политической и культурной жизни первой половины XVIII в. Конец XVII – начало XVIII в. – это время рождения русской нации и основ национального русского языка, когда шло формирование литературного письменного и особенно устного русского языка. Татищеву пришлось начинать свою деятельность в «эпоху великих реформ» Петра I, когда в русский язык широким потоком хлынула из западноевропейских языков иноязычная лексика: административная, политическая, военная, научная, из области культуры и быта и т. д. Создавалось впечатление, что русский язык за-

давлен варваризмами, «чужесловами» и теряет свое лицо. В настоящее время, когда русский язык также без меры засорен американизмами, уместным будет привести мнение крупного ученого первой половины XVIII в. об иностранных заимствованиях.

Татищев, с одной стороны, появление иноязычных слов в русском языке считал явлением естественным и неизбежным, указывая, что такие слова «есть от приобретения наук и вещей» от других народов. Первые заимствования, по Татищеву, пришли от греков вместе с принятием христианства. Это были слова, связанные с религией (богослужением, названиями церковных санов), а также многие имена собственные. Через посредство греческого в русский язык влились еврейские слова (*равви* – мой учитель, *пасха* – прехождение, *аллилуйя* – хвалите Бога), из сирийского (*мамона* – богатый, *голгофа* – лобное место), из персидского (*кораван* – скрыня или ковчег). Татищев подчеркивает, что почти все эти слова остались в языках всех славянских народов (отв. 65).

Большое количество слов иностранного происхождения было заимствовано, по Татищеву, из западноевропейских языков. Они трех типов: слова, которые, по мнению Татищева, нельзя перевести, такие как *физика*, *математика* (у Татищева *мафематика*), *метафизика*, *навигация*, *фрегат* и др; слова, которые переводятся на русский язык, но раньше имели другое значение, такие как *фейерверк* (у Татищева *феерверк*) – потеха, *канал* – прорыв, *капитан* – сотник; слова, которые русских наименований не имели, как *форма*, *флаг*, *вымпел*⁷.

С другой стороны, Татищев резко выступает против напрасного употребления иностранных слов, особенно если понятие, реалию можно назвать по-русски. Он пишет, что иностранное слово «полезно токмо, когда правильно употребляемо, безрассудное же употребление, то есть примешивание иноязычных слов в свой язык, вредительно» (отв. 51). В своем произведении он приводит многочисленные примеры таких «без нужды» замененных славянских слов иностранными: вместо *возглас*, *устав*, *песнь* *сложение*, *образ*, *судия*, *мех*, *певчий*, *строительство* употребляют греческие слова *антифон*, *канон*, *псалом*, *символ*, *икона*, *тиун*, *сакос*, *дьяк* и *дьячок*, *архитектура*; вместо *венец*, *решение*, *воевода*, *снаряд*, *крепость*, *запас* латинские *корона*, *резолуция*, *генерал*, *артиллерия*, *фортеция*, *провиант*; вместо *подсвечник*, *нагалище*, *волосы накладные*, *польза* французские *шандал*, *футляр*, *парук* (*парик*), *интерес*; вместо *раскат*, *шейный платок*, *спальный кафтан*, *извозчик* немецкие *болеверк*, *галстук*, *шлагфрок*, *фурман* и пр.

Как «несчастье» расценивает Татищев слова, пришедшие в русский язык из татарского. Так как Русь долгое время находилась под татаро-монгольским игом, то в результате этого вместо слов *стража*, *стрельница*, *неимуций*, *седло*, *одежда*, *шапка* стали говорить *караул*, *башня*, *бобыль*, *арчак*, *кафтан*, *колпак* (отв. 62). Дважды автор останавливается на татарском слове *алтын*, которое, по его утверждению, еще Петр Великий «велел уничтожить и счислять копейками, чтоб оную мерзость забыли» (отв. 62). Будучи сподвижником Петра I, зная его лично, Татищев в своем энциклопедическом «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском» объяснил столь резкоотрицательное отношение царя к татарскому слову *алтын*. Он пишет: «А понеже *алты* слово татарское, значит шесть, ибо в ней шесть денег... его императорскому величеству Петру Великому весьма мерзким явилось, понеже чрез такие татарские слова всегда делают о власти оных над Россией воспоминание, и для того запретил оное в числении употреблять и монеты оные делать, а повелел числить копейками, гривнами и рублями, и монеты оные переделаны»⁸, т. е. Петр I хотел начисто

вычеркнуть всякое напоминание о татарах на русской земле из исторической памяти. Однако нельзя думать, что количество иноязычных слов в языке может быть регламентировано чьей бы то ни было волей, даже монаршей. Слово *алтын* оказалось долговечным. Оно вошло как составная часть в сложное образование «пятиалтынный» – русское разговорное название монеты в 15 копеек и употреблялось еще сравнительно недавно.

Приведя примеры таких «повреждений» русского языка, Татищев был вместе с тем удовлетворен тем, что «благодаря Бога... ныне более того смотрят, как бы оную мерзость извергнуть»⁹.

Прошедшие века все расставили по своим местам и определили в современном русском языке положение тех слов, против которых так рьяно ополчался Татищев. Лингвистические установки автора высказанные им более 250 лет назад, как уже было отмечено выше, надо оценивать с позиций той исторической эпохи, в которую жил Татищев, времени формирования русского литературного языка, выработки его грамматических и особенно лексических норм. Не надо забывать и о том факте нашей истории, что патриотические высказывания Татищева звучали в годы засилья иностранцев в Академии наук и высокомерного отношения к русскому языку со стороны части дворянства, когда научные труды было принято писать только на иностранных языках.

Несмотря на то, что у Татищева был неоднозначный подход к иностранным словам, он в большом количестве включил их в свой «Лексикон». Как считает Е.М. Иссерлин, важно не только то, какие слова заимствовались в определенную эпоху, но и то, какие переводились, заменялись словами русского языка¹⁰. Татищев поместил в свой «Лексикон» иностранные слова широко употребительные, частотные и разнообразные по значению: по истории, географии, политике, торговле, лингвистике, бытовую лексику и др. Следует обратить внимание и на то, что каждое иностранное слово у Татищева – это не простое перекодирование знаков одной системы языка в другую, а пространное, объемное, энциклопедическое толкование слова, выполненное таким образом, чтобы «чужое» слово стало «своим», родным, понятным русскому читателю. Приведем для образца ряд словарных статей из «Лексикона».

Анбар, тат., хранилище, фр. *магазин*. «Строение, где кладут вещи для хранения» (с. 162).

Архив, греч., «значит место такое, где государственные письма нужные яко тайные, тако и явные хранятся» (с. 168).

Багряница, греч., «порфира и хламида имянована, императорская одежда» (с. 174).

Байрам — «магометанский великой праздник, дважды в год бывает» (с. 174).

Батурин — «городок в Малой России Неженского стану, на реке Семи. Во оном гетманы малороссийские жили и было строение великое, но как гетман Мазепа в 1708 году изменил, тогда оной российскими войски сожжен и совсем разорен, и селиться запрещено» (с. 130).

Брянск и Брянец, — «город на реке Десне, когда построен, неизвестно, но в древней гистории первее Брынь имянован, а потом в исходе второгонадесять ста имя Брянск известно стало» (с. 198).

Бухгалтер, нем., «книгодержатель, у купцов именуется их подъячие, которые переписку и счета с приказчиками и корреспондентами содержат и для того имеют разные книги. В канцеляриях бухгалтеры имеют только записку правильную всем приходам и расходам, долгам и доимкам» (с. 202).

Диалект, греч., «речение, но, разумеется, когда который народ от едиnorodного речением разделяется, яко в словенском польский, русский и пр., диалекты суть».

К сожалению, «Лексикон» не был завершен Татищевым (последнее слово в нем «ключник»). В заключение отметим, что В.Н. Татищев – один из самых ярких и талантливых представителей «гнезда Петрова» – стоял у истоков многих наук, недаром же его портрет в малом зале Российской Академии наук висит первым. В принадлежащей его перу работе «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» Татищев высказал много передовых идей для своего времени. Мы ограничились лишь некоторыми из них, наиболее интересными в интерпретации ученого-просветителя XVIII в.

¹ Шмидт С.О. Зодчий науки (о В.Н. Татищеве) // Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. – М., 1997. – С. 451.

² Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В.Н. Собр. соч. Т. 8. – М., 1996. – С. 51–132.

³ Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. – М., 1993. – С. 168.

⁴ Татищев В.Н. Разговор двух приятелей... – С. 68–69.

⁵ Татищев В.Н. История Российская // Татищев В.Н. Собр. соч. Т. 1., часть первая. – М., 1994. – С. 70.

⁶ Володин А.П. Ительмены. – СПб., 1995. – С. 67.

⁷ Пирмаханова У.Б. О лингвистическом наследии В.Н. Татищева // Проблемы диахронного анализа грамматического строя русского языка: Сб. трудов. – Вып. 10. – М., 1977. – С. 93–94.

⁸ Татищев В.Н. Лексикон российской, исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В.Н. Собр. соч. Т. 8. – М., 1996. – С. 161.

⁹ Татищев В.Н. Разговор двух приятелей... – С. 62.

¹⁰ Иссерлин Е.М. Лексика русского литературного языка второй половины XVIII века (по материалам переводных и других памятников «среднего стиля»). – Л., 1961. – С. 40.